

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулхакова И. Б.* Функционирование зооморфизмов во фразеологии английского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.rusnauka.com/16_NPRT_2013/Philologia/0_130878.doc.htm
2. *Григорьева Г. С.* Фразеологические единицы с зоонимами в аспекте теории номинации (на материале современного английского языка) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Одесса, 1985
3. *Киприянова А. А.* Функциональные особенности зооморфизмов : На материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/funktsionalnye-osobennosti-zoomorfizmov-na-materiale-gazeologii-i-paremiologii-russkogo-ang#ixzz5TznfE0JQ>
4. *Национальный корпус американского английского языка* [Электронный ресурс]. Режим доступа : www.corpus.byu.edu
5. *Николаева М. Н.* Лексические маркеры экспрессивности в бизнес английском языке // Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам. Минск, 2018. 237 с.
6. *Романова Н. Б.* Эволюция некоторых фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в свете теории номинации (в языке ново-английского периода). М., 1982.
7. *Рубанова Е. В.* Семантический процесс метафоризации на примере зооморфизмов английского и русского языков // Классические концепции и современные технологии преподавания иностранных языков в XXI веке. Могилёв, 2001. 168 с.
8. *Словарь Multitran* [Электронный ресурс]. Режим доступа : www.multitran.ru

Решетарова И. В.

ДИСФЕМИЗМ КАК МАРКЕР КОНФЛИКТНОГО ДИСКУРСА

Горловский институт иностранных языков, г. Горловка

Аннотация. Целью данной статьи является выявление характеристик дисфемизмов, позволяющих рассматривать их как средства, маркирующие конфликтный дискурс. В статье анализируется современный статус дисфемизма, прослеживается история возникновения понятия, его признаки, соотношение дисфемизма и языковой агрессии. Рассматривается также роль дисфемизмов в структурировании речевой коммуникации соперничества и конфликтного дискурса. Делается вывод о возможности интерпретации дисфемизма как средства языковой репрезентации конфликта.

Ключевые слова: языковая агрессия, дисфемизм, коммуникативная ситуация, конфликтный дискурс.

Современная лингвистика отличается значительной коммуникативно-прагматической направленностью. В центре внимания языковедческих исследований оказывается человек – языковая личность, пытающаяся решить проблемы личностного опыта посредством языка. По мнению Г. Р. Искандаровой и Р. З. Мурясова [4, с. 83], «функциональное направление в своей

основе ориентировано на языковую личность, которая, в свою очередь, признается лингвистами «центром всех систем». Функциональный подход «высвечивает» проблемы, связанные с человеческим фактором, пересекаясь с еще одним «установочно-познавательным принципом» современной лингвистической парадигмы – антропоцентризмом».

Внимание к проблемам, связанным с человеческим фактором, в свою очередь, повлекло исследование проблем коммуникативного успеха/неудачи и, как следствие, проблем, связанных с изучением языковых и речевых явлений, сигнализирующих о конфликтных коммуникативных ситуациях между участниками речевой коммуникации.

Несмотря на существование отдельной отрасли гуманитарных исследований – конфликтологии, конфликт в целом является предметом изучения различных областей знания – социологии, психологии, политологии, журналистики, социальной философии, лингвистики и др. Различные аспекты конфликта в процессе коммуникации детально рассматриваются во многих работах как отечественных, так и зарубежных учёных: М. Ю. Сейранян, Т. ван Дейк, Ю. Р. Тагильцева, В. И. Жельвис, Н. А. Белоус, Е. С. Кара-Мурза, Л. Н. Синельникова, G. Lakoff, J. W. Underhill и др. Многогранность предмета изучения породила новое направление коммуникативной лингвистики, *лингвоконфликтологию*, которое пересекается с социолингвистикой, юридической лингвистикой, лингвоэкологией и другими направлениями современных языковедческих студий.

Высшей точкой проявления так называемой агональной коммуникации (или коммуникации соперничества) является речевая агрессия – вид речевого поведения в конфликтной коммуникации, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда отдельному человеку, группе людей или обществу в целом. Агональность рассматривается как компонент конфликтного дискурса, поскольку вербальное воздействие в такой коммуникации направлено на решение следующих задач: заставить партнера по коммуникации совершить то или иное действие, лишить его уверенности, заставить сомневаться, замедлить или подавить агрессивную реакцию и т. д. [1, с. 6]. Речевая агрессия обыкновенно объясняется агрессивным состоянием говорящего и зачастую преследует цель вызвать или поддержать агрессивное состояние адресата, нарушая, тем самым, этико-речевую норму.

Традиционно выделяют следующие виды речевой агрессии:

- активная прямая речевая агрессия – словесное оскорбление или унижение объекта; высказывание в его адрес угроз, деструктивных пожеланий; призывы к агрессивным действиям и/или насилию, вплоть до ликвидации;
- активная непрямая речевая агрессия – распространение клеветы или сплетен, недоброжелательные домыслы, обыгрывание имён;
- пассивная прямая речевая агрессия – выказывание пренебрежения к инициатору общения, демонстрация негативного к нему отношения или протеста против его поведения, отказ реагировать на просьбы, молчание в

ответ на вопрос;

- пассивная непрямая речевая агрессия – демонстративное и/или многозначительное молчание, нежелание вмешиваться или пресекать словесные оскорбления в чей-либо адрес, расцениваемое как молчаливое согласие с агрессором и одобрение его поведения.

Л. П. Крысин справедливо отмечает, что «... в наши дни чрезвычайно высок уровень агрессивности в речевом поведении людей. Необыкновенно активизировался жанр речевой инвективы, использующий многообразные образные средства негативной оценки поведения и личности адресата – от экспрессивных слов и оборотов, находящихся в пределах литературного словоупотребления, до грубо просторечной и обценной лексики» [7, с. 385–386].

Усиление проявления языковой личности в процессе коммуникации влечёт за собой ослабление самоцензуры, привнесение разнообразных деформаций нормы и увеличение оценочных новообразований, как позитивной, так и негативной направленности. Новообразование, как единица языковой картины мира человека, несёт собеседнику не только информацию, но и личностную эмоционально-оценочную характеристику той или иной ситуации. Дисфемизм, как разновидность оценочной формы наименования (обычно негативной направленности), выбирается говорящим намеренно для маркирования ситуации одновременно культурной, социальной и коммуникативной напряжённости.

Впервые о дисфемизмах упоминается в «Очерках по стилистике английского языка» И. Р. Гальперина. Автор понимает дисфемизм как лексико-фразеологическое стилистическое средство, указывая, что в английском языке существует группа слов, которые называются дисфемизмами или какофемизмами [3, с. 165]. Их стилистическая функция противопоставляется той, которую выполняют эвфемизмы. Они выражают понятия в более резкой и грубой, обычно нелитературной, форме в сравнении со словом, закреплённым за этим понятием.

Позднее дисфемизм упоминается в большинстве работ в связи с изучением средств эвфемии как прямое противопоставление последним по своему характеру и предназначению [6]. В некоторых трудах [2; 6; 11] акцентируется синонимическая природа дисфемизма, вербализирующего противоположное эвфемизму направление на оси оценочного денотата, или категорично фиксирующего тот или иной факт, традиционно подаваемый литературной нормой в более мягком варианте.

Несмотря на то, что последнее время лингвисты значительно чаще вспоминают о существовании дисфемизма (например, исследования В. И. Жельвис, О. А. Ставицкой, Г. Ч. Гусейнова), ученые склонны рассматривать дисфемизм преимущественно как элемент инвективной лексики, определяемой как намеренное переключивание слов с целью придания им грубого инвективного значения [5, с. 205].

В нашем исследовании [8; 9; 10] мы рассматриваем дисфемизм как целенаправленное выпячивание негативных сторон и/или недостатков денотата, значительное ухудшение характеристик объекта, и, следовательно, как средство вербального выражения агрессии, оказывающее непосредственное влияние на формирующиеся у адресата образы конфликта и его участников, определяющее их оценку.

Далеко не последнюю, а возможно даже и основную, роль в этом процессе играют СМИ. Исследователи средств массовой информации, их роли, значимости и влияния, определяют интервью, ток-шоу и дебаты (особенно политические) как самые популярные жанры публицистики. Интервью тяготеет к перерастанию в развёрнутый проблемный/конфликтный диалог. В политических предвыборных дебатах и ток-шоу зачастую собеседники вынуждены реагировать спонтанно, использовать неподготовленные тексты, что неизбежно ведёт к использованию ими первых, пришедших в голову и показавшихся уместными языковых единиц. Следовательно, накал эмоций нередко приводит к использованию дисфемизмов, маркирующих трансформацию политического диалогического дискурса в дискурс конфликтный.

Современный дисфемизм обладает шаржевой сущностью. Шарж, как разновидность карикатуры, при сохранении внешней схожести, выделяет, или выпячивает, заостряет и заменяет характерные признаки объекта. Таким образом, дисфемизм можно признать оружием языковой карикатуры, при помощи которой некая «жертва» предстает в нелепом и несуразном виде. Дисфемизм призван актуализировать негативную составляющую характеристики объекта. Другими словами, дисфемизм можно отнести к средствам активной прямой речевой агрессии, и, соответственно к ярко выраженным маркерам конфликтной коммуникативной ситуации.

Рассматривая дисфемизм в роли средства активной не прямой речевой агрессии, в плоскости социально-политического или военного конфликта, на первый план выходит дисфемистическое обыгрывание имён политических деятелей – например, *Януковец* (Янукович В. Ф.) и *Порошенко* (Порошенко П. А.), *Растений Петрович* (Яценюк А. П.) и *Кровавый Пастор* (Турчинов А. В.). Однозначно негативными представляются и такие обыгрывания как *Граф Дякула* (отсылка к чрезмерно частотному употреблению Порошенко П. А. слова *дякую* – ‘спасибо’) или *женщина с косой* (отсылка к традиционной причёске Тимошенко Ю. В. и одновременно к образу *Смерти*).

Такие приёмы позволяют в достаточно краткой, ёмкой и эмоционально окрашенной форме охарактеризовать то или иное событие/явление в рамках социально-политического или военного конфликта. С их помощью формируется образ врага, то есть, проводится чёткая граница «свои–чужие» при оценке определённых событий.

Подводя итоги, отметим, что дисфемизм обладает характеристиками, позволяющими рассматривать его в качестве средства языковой репрезентации конфликта, а употребление дисфемизмов участниками коммуникации

маркирует дискурс как конфликтный. Лингвистический анализ места и роли дисфемизма в структуре конфликтного дискурса позволит расширить представление о речевом конфликтном поведении языковой личности и внести вклад в изучение характеристик конфликтного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоус Н. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве : семантические и прагматические аспекты [Текст] : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. Краснодар, 2008. 48 с.
2. Венрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2002. 378 с.
3. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М. : Изд-во лит-ры на ин. яз., 1958. 459 с.
4. Искандарова Г. Р., Мурашов Р. З. Функционализм в науке о языке и в словообразовании // Вестник Башкирского университета, 2013. Том 18, №1. С. 82–85.
5. Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 194–206.
6. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия. Л. : Изд-во ЛГПИ, 1988. 80 с.
7. Крысин Л. П. Эвфемизмы современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 384–407.
8. Решетарова И. В. Дисфемизм как средство проявления речевой агрессии // Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / Горловский ин-т иностр. языков; редкол. : С. А. Кочетова и др. Вып. 4(30). Языкознание. Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2017. С. 98–103.
9. Вострецова В. О., Решетарова И. В. Дисфемізм: status quo ad praesens // Вісник Житомирського державного університету. Випуск 47. Філологічні науки, 2009. С. 184–187.
10. Решетарова И. В. Засоби евфемії в масмедійному дискурсі початку XXI століття. [Текст]: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.15. Донецьк, 2010. 206 с.
11. Шейгал Е. И. Эвфемизация в политическом дискурсе // Языковая личность: проблемы креативной семантики : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 158–171.

Фефелова В. В.

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИЙ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ, ОЦЕНКИ И ТОНАЛЬНОСТИ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Горловский институт иностранных языков, г. Горловка

Аннотация. В статье анализируются языковые средства реализации категории субъективной модальности во франкоязычном политическом дискурсе посредством категорий оценки и тональности, включающих не только интеллектуальную квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной реакции. Языковой материал представляет собой политическую коммуникацию, воздействие которой направлено на широкие круги